

Индекс УДК 39+323.1+93
Код ГРНТИ 03.61.91; 12.09.09**М.Ю. МАРТЫНОВА,
В.А. ТИШКОВ***

Наука о народах и национальная политика государства в эпоху СССР

В статье публикуются результаты исследования, посвящённого анализу особенностей взаимодействия науки о народах (этнологии, точнее, по терминологии того времени — этнографии) и советской национальной политики. Изучение роли отечественной этнографии в судьбе нашей страны, рассмотрение развития науки в контексте государственной стратегии развития общества базируются на анализе различных сюжетов, связанных с «национальным вопросом». В ходе реализации проекта, выполненного при поддержке РФФИ и Российского исторического общества в рамках конкурса «Советская эпоха: история и наследие (к 100-летию образования СССР)» получены ответы на целый ряд исследовательских вопросов, дающих основание выявить роль научных разработок и творческой элиты в национальной политике. Работа носит во многом историографический характер. Авторы концентрируют внимание на анализе концептуальных подходов, на исканиях и достижениях российской этнографии в XX в. Характеризуется исследовательский инструментарий; в ракурсе национальной политики даётся комплексный обзор научных этнографических направлений, разрабатывавшихся в разных частях страны в советское время. Прошедшее время позволяет говорить о значении отдельной личности, экспедиции, (арте)факта во всей сложности изучаемого спектра проблем. Прочитывая «светлые и тёмные» страницы истории науки, удастся лучше понимать реальность, характерную для сегодняшних этнологических исследований. В сопоставлении с советским концептом нациестроительства становятся очевиднее возможности этнологии и перспективность её роли в современной России для формирования российской идентичности, выработки механизмов миграционной политики, адаптации детей мигрантов и т.д.

Ключевые слова: СССР, история науки, национальная политика, этнография, народы России

* **Мартынова Марина Юрьевна** — доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник — заведующая Центром европейских исследований Института этнологии и антропологии РАН.

Тишков Валерий Александрович — академик РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии РАН.

В наши дни всё очевиднее становится актуальность и востребованность знаний и методов этнологической науки для выработки базовых основ управления обществом. Прикладное значение этнологии/антропологии существенно расширилось, и разнообразие сфер практического применения этнологических/антропологических знаний возросло. Сегодня уже никто не воспринимает этнологию как науку об экзотических народах. Параллельно с преобразованиями социальной действительности происходит пересмотр её предметной области, связей и отношений с другими отраслями знания, а также прикладных функций. Насколько при этом социум готов использовать научные результаты? Польза естественных и технических наук, пожалуй, не нуждается в обосновании. Роль общественных наук, роль науки в социальных преобразованиях — вопрос не столь однозначный. Мешают многообразие мнений, вариативность подходов, политическая заангажированность и ряд других обстоятельств. Нас как специалистов, профессионально занимающихся антропологической или этнической проблематикой, интересует практическая роль именно данного вида знаний [1].

Общеизвестно, что этнология имела практическую направленность даже тогда, когда она ещё не сложилась как особая дисциплина (XVIII – начало XIX в.). И в те времена работы учёных были ориентированы на изучение «туземных народов» с целью выработки способов управления ими. Научно-аналитическое осмысление социальных процессов в разные исторические периоды имело свои особенности.

Целью данной публикации является анализ вклада экспертной (этнологической) составляющей в нациестроительство советского общества, прикладного значения научного знания и его практических функций. В нашем исследовании обосновывается значимость науки при разработке государственной политики, в данном случае

миссия этнографов в государственной национальной политике. С одной стороны, очевидна обусловленность предметного поля научных исследований установками, вытекавшими из директивных положений государства той ушедшей в историю эпохи. В то же время для теоретико-концептуального понимания места социального фактора в науке важно оценить возможности влияния российских учёных на специфику управления страной и разнородную динамику жизни составляющих её народов в период существования СССР.

Авторы исследования попытались осмыслить степень значимости мотивированной деятельности людей в историческом процессе, роль реализации целенаправленных планов и интеллектуальных программ усилиями государств, больших коллективов и отдельных личностей. Это одна из форм социального творчества. Роль политической импровизации недооценивалась поборниками онтологической природы человеческих деяний и глубоких исторических закономерностей, согласно которым глобальные события не могут быть результатом малых причин и субъективистских, личностных устремлений. Напомним, что так называемые крупные проекты всегда были в арсенале человеческой истории, в том числе в России. К таким судьбоносным проектам относится конструирование наций и государственное строительство. Как отмечал в 1918 г. выдающийся российский учёный и политик, академик Российской академии наук по Отделению истории и филологии П.Б. Струве, «нация конструируется и создаётся национальным сознанием» [2].

Советский этнический проект и его академическая составляющая

С самого начала в советской национальной политике наметились две тенденции. Одна стремилась учесть сложную этническую структуру населения, интересы этногрупп и их элит, определить подходы к федерализации государства и его аппарата,

Ил. 1. Похороны «старого быта» во время проведения одного из советских праздников. Рязань.
Фото 1920-х гг. Фотоархив ИЭА РАН

другая — найти механизмы концентрации в центре функций контроля и унификации культурной сферы для реализации стратегических целей новой власти. Фундаментальной является проблема, в какой мере многоэтничность огромной страны обусловила её развитие «мимо» идеи национального государства, или же как политика и наука возвели этнический фактор на уровень «национального вопроса» и тем самым стали препятствием своего рода нормативному подходу к государственностроительству. Этнокультурный компонент составлял важную часть политики государства на протяжении всего периода существования СССР. Курс на формирование общесоветского единства проводился на основе большевистской идеологии и социально-экономического, политического и культурного развития всех народов, обеспечения их социального равенства. Переход к советской общегражданской идентичности сопровождался из-

менением элементов этнонационального самосознания, социальной структуры народов, их быта и ценностных ориентаций.

Регулирование межэтнических отношений всегда было важной задачей и вместе с тем камнем преткновения для советской власти. Долгосрочный исторический эксперимент по строительству в СССР федерального государства на этнической основе требовал постоянного осмысления и теоретического анализа. У этого воплощавшегося на практике концепта были как реальная историческая подоплёка, так и политико-идеологические последствия. Теория и методика привязывания этничности к территории, казалось бы, представлялась и до сих пор представляется более чем интересным и вполне нейтральным занятием. Однако на её основе в истории нашей страны было осуществлено множество не только полезных, но и бессмысленных, даже разрушительных для государства практических дел, идеологических кампаний, не говоря уже

о бесчисленных общественных дебатах и открытых конфликтах.

При размышлении над противоречивыми последствиями советского этнического проекта важным оказывается вопрос о его академической составляющей. В СССР «национальный вопрос» был возведён в ранг большой теории и фундаментальной политики. Ни одно национальное обществоведение в своей научной номенклатуре не отводило так называемой теории нации и национального вопроса того особого места, которое она заняла в советском обществоведении. Во всех вузах существовали соответствующие кафедры, для которых в огромном количестве готовились специалисты. Преподавание названных дисциплин было обязательным для всех факультетов всех вузов. В библиотеках страны под рубрикой «Национальная политика КПСС» стояли многочисленные каталожные шкафы с названиями книг, брошюр

и авторефератов диссертаций. В стране была группа известных теоретиков (некоторые из них здравствуют и работают поныне), которые создавали не только фундаментальные сочинения на данную тему, но и разработки для очередных партийных съездов и документов. Этот раздел всегда присутствовал в отчётных докладах, программах партии и отражал определённую динамику государственностроительства. Научные сотрудники, в том числе и академические, с энтузиазмом комментировали решения и высказывания руководителей государства и КПСС по развитию национальных отношений, хотя зачастую сами были их авторами.

Не оставались в стороне и учёные, предметной сферой которых являлось народоведение. Анализ развития этнологической науки приводит к выводу, что наука — и прежде всего академическая этнология — с первых лет советской власти оказалась

Ил. 2. Выпускники кафедры этнографии МГУ. Профессора (сидят, слева направо) С.А. Токарев, Е.М. Шиллинг, С.П. Толстов, М.О. Косвен, Н.Н. Чебоксаров среди студентов (стоят: Т. Трофимова, Л.В. Покровская, Л.Н. Чижикова). 1949 г.

Ил. 3. М.М. Герасимов за работой. 1960-е гг.

вовлечённой в большой идеологический план «решения национального вопроса» на основе национального (читай — этнического) самоопределения и дружбы народов, во многом создав эмпирическую и теоретическую базу для «социалистического нациестроительства» не на гражданской, а на этнической основе.

Становление государственной национальной политики и наука

После победы советской власти в Гражданской войне и её «триумфального шествия» на первое место в государственной (национальной) политике вышли вопросы землеустройства и восстановления экономики, социальной помощи населению, образования и культуры. Их этнокультурный аспект включал в себя помощь разорённым окраинам, подготовку «национальных кадров» для всех областей хозяйственной и общественной жизни, создание органов

власти, совмещающих централизованное начало и этнонациональное представительство. Проблемы «политики коренизации», «социалистического национально-государственного строительства» и формирования советского народа как «нового типа исторической общности людей» — все эти темы требовали научного обоснования и осмысления.

Этнографам в те годы предписывалось изучение становления социализма в быту различных народов и расцвета их культуры. В этнографах (по их собственным высказываниям) видели не только учёных, исследующих культуру народов, но и защитников их интересов, активных просветителей, проводников знаний и прогресса. С этими целями в различных регионах страны были развёрнуты масштабные экспедиционные исследования. Инструментами, видами и формами исследовательских процедур стали анкетирование, экспеди-

Ил. 4. Студенты-этнографы на полевой практике в Горьковской области.
Среди них: Л.К. Гостиева, М.М. Керимова, М.Ю. Мартынова, О.Б. Наумова, А.И. Пика,
Т.В. Таболина. Руководитель практики — Л.Б. Заседателева. 1974 г.

Ил. 5. Г.А. Сергеева среди женщин-дойрок из г. Арчи, Чародинский р-н, Дагестан. 1963 г.

ционные выезды и экспертные оценки на местах расселения изучаемых этнических групп. Результатом стали полевые работы и издания, выполненные по заданиям Комиссии по изучению племенного состава населения СССР, Института народов Советского Востока, центрального Музея народоведения и иных научных институций. Этнографическое знание оказалось востребованным в государственной деятельности, например при подготовке переписей населения страны: оно давало материал различным комиссиям при определении государственных границ и т.д.

Задача выявить и классифицировать «племенной состав населения» была поставлена властью ещё до Октябрьской революции. С инициативой осмыслить и представить этнический фактор в политико-государственном измерении выступила Российская академия наук. Образованная во время Первой мировой войны для выяснения границ расселения различных этнических общностей (в Латвии, Польше, Галиции, Буковине и в пограничной части Азиатской России) и составления этнических карт этих регионов, Комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС) сразу после Октябрьской революции осуществила важнейшее не только для этнологической науки, но и для политики государства и даже для его устройства «интеллектуальное предприятие», а именно — она положила на карту сложную этническую мозаику населения Российского государства, а затем — СССР.

В 1925 г., в связи с предстоящей переписью населения СССР, в КИПС была образована подкомиссия по подготовке к всеобщей переписи. Эта подкомиссия начала заниматься проблемами прове-

дения демографической, сельскохозяйственной, промысловой переписей. Был разработан вопрос об учёте племенного состава населения СССР и составлен список народностей СССР. Как пишет

Ил. 6. В интернате. г. Дудинка, Таймыр. Г.А. Аксянова. 1976 г.

Ил. 7. Начальник Прибалтийской экспедиции Л.Н. Терентьева загружает в машину этнографические экспонаты. 1980-е гг.

Ил. 8. Экспедиционный выезд в Пермскую область.
Г.Н. Чагин, И.В. Власова, И.А. Кремлева,
Т.С. Макашина, Т.А. Листова. 1981 г.

Ил. 9. И.В. Власова, И.А. Кремлева, М.С. Макашина
после прибытия в старообрядческий скит Дий,
Пермский край. 1982 г.

А.В. Псянчин, «деятельность Комиссии по изучению племенного состава населения России (а затем — СССР) как ведущего академического центра в системе Академии наук сыграла важнейшую роль в развитии советской этнографии, а также этнической картографии (как тематического вида картографии) в первой половине XX в.» [3].

Созданный в 1918 г. Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) занимался культурно-языковыми запросами населения и его общим просвещением. Именно эта структура в начале 1920-х гг. стала ключевой в общении

центральной власти с региональными местными этноэлитами, добивавшимися разной степени политического самоопределения, зачастую в его сепаратистском варианте. Сотрудники Наркомнаца, в свою очередь, искали и применяли разные способы и инструменты этнополитики, во многом ставшие затем общим достоянием институтов власти.

В дальнейшем, на протяжении всего периода существования советского государства этнический фактор в политике был актуален и значим. Иерархизация этнополитической структуры общества потребовала более чёткого определения статуса меньшинств и их места в административно-территориальной системе СССР. Осуществлялось масштабное этно-территориальное структурирование регионов. Создание сельских советов для этнических меньшинств власть рассматривала как один из главных результатов решения национального вопроса в СССР. В 1920–1930-е гг. происходили многократные административно-территориальные изменения: вместо губерний и округов создавались области и шло их районирование, происходил обмен территориями

между субъектами федерации, создавались новые этнотерриториальные образования, менялся их статус.

С начала 1930-х гг. этнографы приступили к разработке проблем, связанных с социалистической современностью — новым бытом крестьянства разных национальностей, изучались вопросы труда и быта колхозного крестьянства и рабочих. Подтверждением значимости для страны этнологических исследований можно считать и факт создания на базе Музея антропологии и этнографии и Института по изучению народов СССР в 1933 г. Института антропологии и этнографии АН СССР (с 1937 г. — Инсти-

Ил. 10. Участники Всесоюзной конференции «Современные этносоциальные процессы на селе». Казань, 1983 г.

тут этнографии АН СССР, с 1990 — Институт этнологии и антропологии АН СССР, с 1992 г. — Институт этнологии и антропологии РАН).

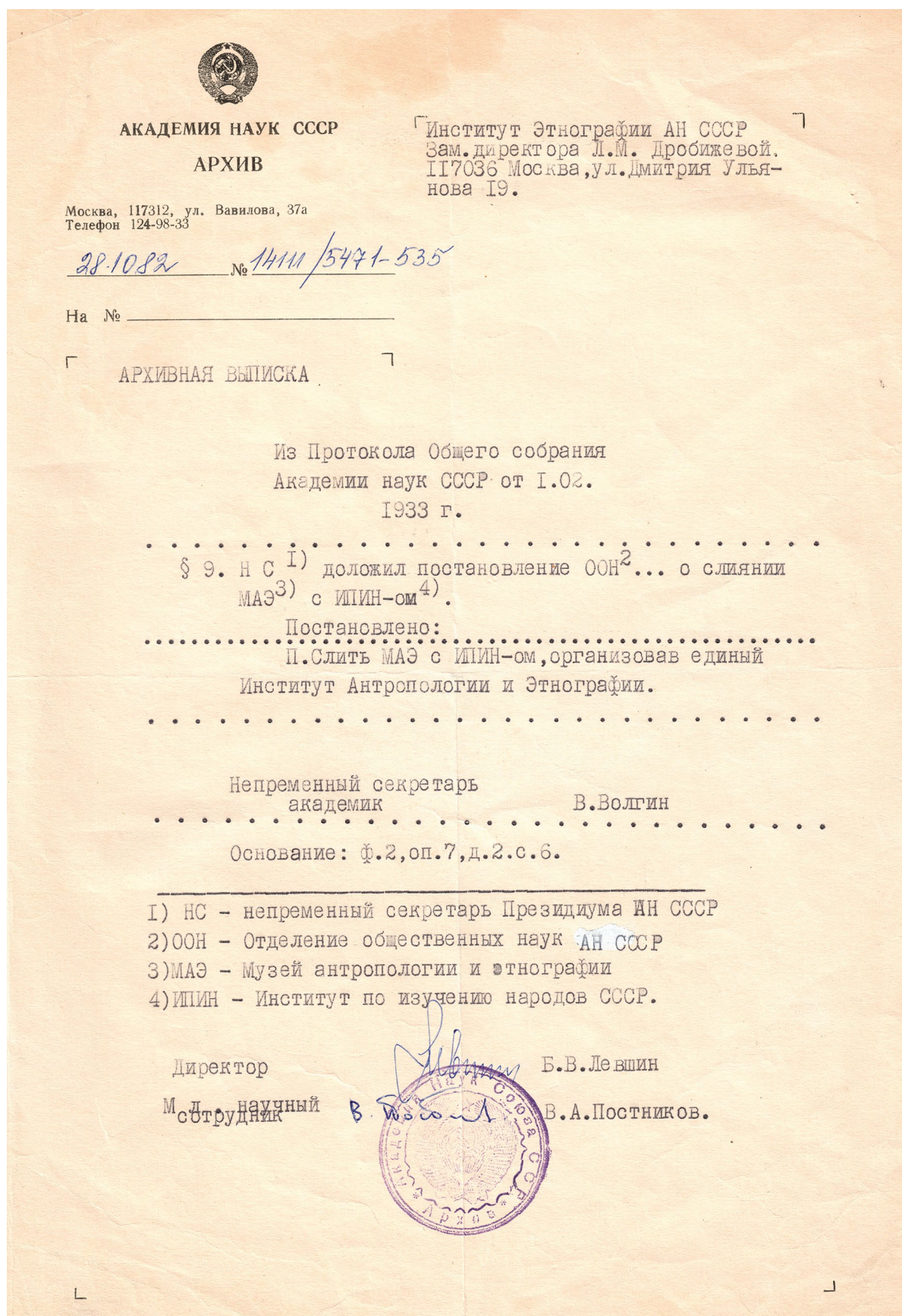
Одним из очевидных и драматических проявлений национального самосознания народов Советского Союза был их патриотизм в годы Великой Отечественной войны. Представители всех народов общей для них Родины встали на её защиту и внесли вклад в победу над нацизмом. Вместе с тем мрачной страницей истории многонационального Советского государства стала депортация ряда народов, необоснованно обвинённых в предательстве. Тема народа и патриотизма в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. была многократно освещена в исторических исследованиях.

Концептуальные подходы послевоенного этапа советского народоведения

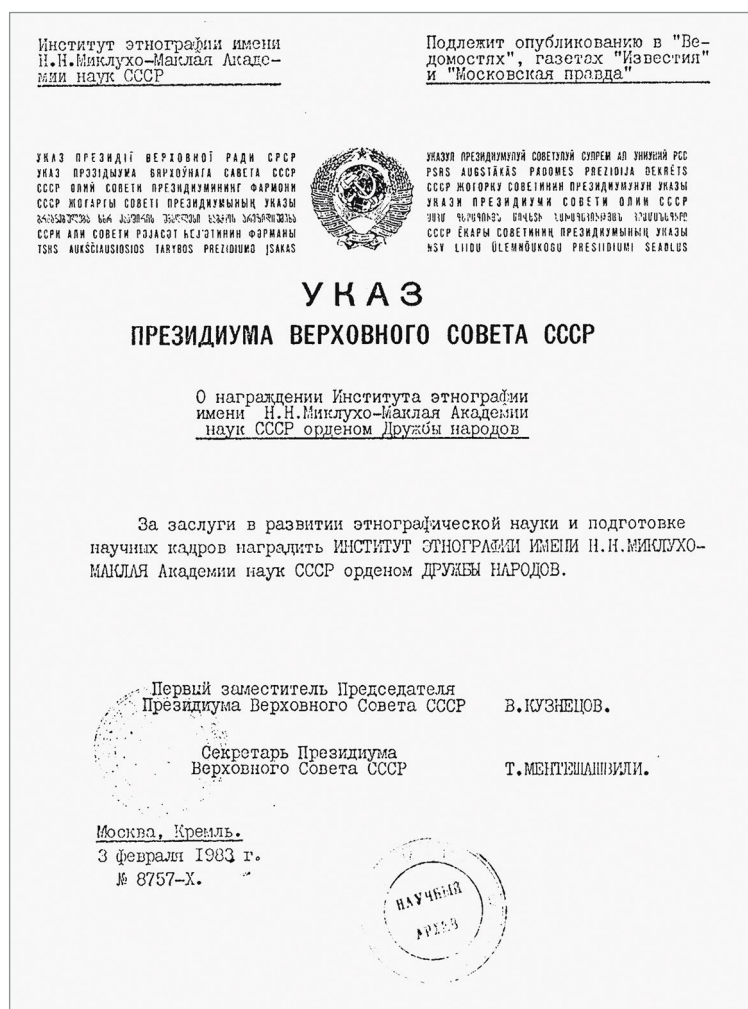
Послевоенный период в истории советского народа — время сложных и про-

тиворечивых процессов, которые до сих пор были на периферии внимания профессиональных исследователей. Постепенно, в 1960–1970-е гг. этнография всё активнее разворачивалась в сторону изучения современных изменений в организации жизни и быта советского человека. Стала использоваться методология других научных дисциплин: социологии, экологии, картографии. Расширение предметного поля этнографии усилило её практико-ориентированную составляющую. Но это время заслуживает отдельного анализа, в том числе и с точки зрения процессов в сфере общественного сознания. В 1961 г. на XXII съезде КПСС была изложена идея формирования «советского народа», которая через несколько лет обрела более «изящное», но научно несостоятельное добавление «как нового типа исторической общности людей».

В последующие годы развивалась тема приоритета в республиках прав «коренных наций», «титულных наций», обыгрывалась проблема соотношения этих прав

Ил. 11. Архивная выписка из протокола Общего собрания АН СССР
о создании Института антропологии и этнографии

Ил. 12–13. 3 февраля 1983 г. Институт этнографии АН СССР награждён орденом Дружбы народов

с правами этнических меньшинств, говорилось об экономической самостоятельности республик. Научный мир не оставался в стороне от этих злободневных для страны вопросов. Например, к пропаганде «республиканского хозрасчёта» подключились некоторые московские учёные. В то время некоторые сотрудники Института этнографии (О.И. Шкратан и Л.С. Перепёлкин) всерьёз утверждали, что этносы являются субъектами экономических отношений и поэтому последние должны строиться по этническому принципу, в виде «этнических экономик» [4, 5].

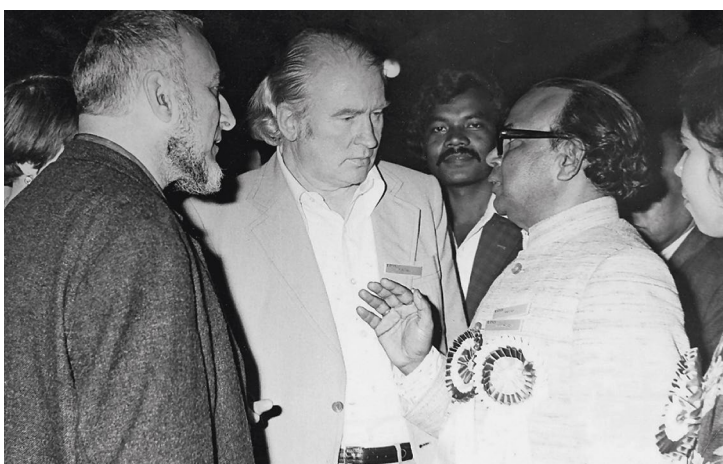
При создании и первоначальном устройстве СССР был запущен в действие механизм производства этнонационализма — как принцип организации государ-

ства и общества и как мировоззренческая норма. Этот механизм привёл к формированию социальных групп, интересы которых могли реализоваться именно через национализм, породил многообразные противоречия между «нациями и народностями», которые он же во многих случаях и создал. В этнополитическом аспекте советская общественная система была столь же многообразной и противоречивой, как и её социально-политические основы. Этнонационализм, не последнюю роль во взращивании которого сыграло само советское государство, национальные движения стали особенно значимыми на закате существования СССР.

Обратим внимание на тот факт, что учёные в советские годы активно рассуждали о прикладной роли этнографических

Ил. 14. Этносоциологи М.Н. Губогло, Н.Р. Маликова, Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева. 1998 г.

Ил. 15. С.А. Арутюнов и Ю.В. Бромлей беседуют с Президентом X Конгресса МКАЭН проф. Л.П. Видьярдхи в г. Дели, Индия. 1978 г.

исследований. Например, в 1980-е годы Ю.В. Бромлей популяризировал мысль о возможностях использования этнографических знаний и работы этнографов в качестве экспертов [6], а М.Н. Губогло выступил с предложением о создании Всесоюзного центра научно-прикладных исследований национальных процессов [7]. Э.А. Паин обратил внимание на прикладные аспекты изучения сельских поселений в целях оптимизации систем расселения [8]. В.В. Пименов, размышляя о практическом применении этнографических знаний, отмечал, что «сама возможность прикладной функции этнографии прояс-

няется лишь в том случае, если эта наука перестанет трактоваться как только историческая, а будет рассматриваться также как одна из существенных сторон науки об управлении, включающей прогнозирование и планирование». Он считал принципиальным такой подход [9].

Своё видение роли отдельных аспектов этнографических знаний периода СССР дают и современные исследователи, как отечественные [см., например: 10–24 и др.], так и зарубежные советологи [25, 26]. Американская исследовательница Фрэнсис Хирш в вышедшей в 2005 г. на английском, а в 2022 г. в переводе на русский язык монографии «Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза», в частности, излагает мысль, что «именно от экспертов, имевших дореволюционную подготовку и опиравшихся на западноевропейские идеи, зависели в 1920–1930-е гг. конкретные формы государственной политики в отношении тех или иных народов. На основе обширных архивных исследований автор показала, как посредством планирования и проведения переписей, картографирования, создания музейных экспозиций общие идеи большевиков кристаллизовались в политические решения» [27].

Современный взгляд на исследовательское поле советской этнографии

Вместе с тем взгляд на события относительно недавнего исторического прошлого нашей страны сквозь призму современных идеологических и методологических реалий породил многогранный спектр ещё не осмысленных научных вопросов, находящихся в компетенции этнологов/антропологов и связанных с развитием их исследователь-

Ил. 16. Музейный зал ИЭА РАН

ского поля, в том числе и на перспективу. В нашем проекте исследование роли этнографической науки в жизни государства под углом взаимодействия науки и власти и более широко – роли науки в развитии ситуации в стране и в её регионах позволило охватить разноплановые тематические направления и подходы. Основные результаты работы нашли отражение в коллективной монографии «Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики» [28]. Рассмотрение развития науки в контексте политики базируется на анализе различных сюжетов, связанных с «национальным вопросом».

Обзор типичных траекторий научных разработок советских этнографов в фокусе советской национальной политики и идеологии открывает раздел «Конструирование советскости: идеи и герои», построенный по хронологическому принципу. Он содержит характеристику раз-

личных этапов развития отечественного народоведения, аналитику развития этнографии (по терминологии того времени) с учётом ключевых векторов национальной политики страны. Показаны искания и достижения российской науки на поприще этничности в XX в., когда она играла ключевую роль в строительстве государства, сконструированного как союз народов.

Раздел «“Национальный вопрос” и региональные исследования» состоит из глав, во многом являющихся историографическими очерками. В них даётся комплексный обзор научных этнографических направлений, разрабатывавшихся в разных частях страны в советское время. Исследование было задумано таким образом, чтобы охватить многоплановые векторы развития этнографии, в том числе советское кавказоведение, североведение, сибиреведение, славяноведение, финно-угроведение¹. Выяв-

¹ Оговоримся, что вне исследовательского поля авторов монографии оказались работы, касающиеся территорий, не входящих в состав Российской Федерации.

Ил. 17. Обложка коллективной монографии «Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики»

лено, что важными тенденциями советской историографии были критика пережитков прошлого, устаревших традиций, обоснование необходимости новой советской обрядовой культуры и разработка практических рекомендаций по её внедрению.

Исполнители проекта, несомненно, сконцентрировали внимание и на проблемах, касающихся теоретико-концептуальных подходов советских учёных. Речь идёт об имевшем место обновлении аналитического арсенала, которое оказалось значимым для науки и практики того времени. Исследование показало, что тематика и направления этнографических изысканий во многом предопределялись общественно-политическими потребностями и запросами. Вместе с тем учёные-этнографы, принимая активное участие в дискуссиях по поводу этнических дефиниций «нация», «традиция»,

«обычай», «обряд» и других, не ограничивались пропагандой и агитацией. Этнографическое знание следовало логике внутреннего развития науки, отчасти определяемой предшествующей академической традицией. В разделе «Исследовательский инструментарий: идеология и политика» акцент сделан на злободневных для советской эпохи разработках, носивших во многом прикладной характер и имевших практическую значимость в сфере государственного управления. Отдельная глава посвящена развитию конкретно-социологических исследований и этносоциологии. Затем в аспекте теории и практики советского нациестроительства анализируются нарративы, касающиеся изучения рабочего быта, городской этнографии, этнографического музееведения и других актуальных тогда сюжетов.

Завершает монографию глава «Поздний СССР и советская этнография», основанная на личном опыте взаимодействия с властными инстанциями академика В.А. Тишкова, идеолога и автора концептуальных трансформаций антропологической науки, совпавших с периодом социальной турбулентности и политических импровизаций в стране и мире. Делается вывод о противоречивом по своей сути и наследию воздействии этнографической науки советского периода на общественные процессы, включая и судьбу страны. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением, что в советском наследии, включая гуманитарную науку, было много позитивных моментов по части этнокультурного развития больших и малых народов СССР, формирования этнического самосознания. Это подтверждается, в том числе, и впечатляющей масштабностью научных исследований, которые анализируются на страницах коллективной монографии, ставшей итогом работы по описываемому проекту.

(Воспроизводится по: Вестник «РФФИ. Гуманитарные и общественные науки» 2023. № 1 (112). С. 31–47)

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартынова М.Ю. Прикладная роль фундаментальной науки: Исследования Института этнологии и антропологии РАН последнего десятилетия // Вестник антропологии. 2014. № 1 (27). С. 148–170.
2. Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М.: Книгоиздательство «Русская мысль», 1918; переизд.: М.: Изд-во Московского университета, 1990.
3. Псянчин А.В. Из истории отечественной этнической картографии (по материалам ИРГО и КИПС). Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2008.
4. Перепелкин Л.С., Шкаратан О.И. Экономический суверенитет республик и пути развития народов // Советская этнография. 1989. № 4. С. 32–48.
5. Чешко С.В. Этническая политика в Российской империи и СССР: исторические, политические и правовые аспекты // Вестник антропологии. 2014. № 1. С. 7–22.
6. Бромлей Ю.В. Может быть, это назовут этноникой // Знание — сила. 1985. № 12. С. 21–23.
7. Губогло М.Н. О создании Всесоюзного центра научно-прикладных исследований национальных процессов // Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР. М.: ИНИОН, 1989. С. 94–104.
8. Паин Э.А. Прикладные аспекты этнографического изучения сельских поселений и систем расселения (постановка вопроса) // Советская этнография. 1985. № 1. С. 3–14.
9. Пименов В.В. Прикладные аспекты этнографии: тенденции и проблемы // Советская этнография. 1986. № 5. С. 3–12.
10. Абашин С.Н. Этнографическое знание и национальное строительство в Средней Азии: проблема сартов в XIX – начале XXI в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2008.
11. Алымов С.С. Забывая этнос и нацию: этнографические дискуссии и экспертиза «национального вопроса» в период перестройки // Шаги / Steps. 2021. Т. 7. № 2. С. 70–92.
12. Винокурова И.Ю. Из истории этнологических исследований в академической науке Карелии // Вестник антропологии. 1920. № 4. С. 282–300.
13. Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин; Сост. Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004.
14. Головнёв А.В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 6–39.
15. Головнёв А.В., Данилова Е.Н. Советская версия этноэкспертизы: докладные записки этнографов-североведов 1950–1990-х гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 132–143.
16. Карлов В.В. Ю.В. Бромлей и «бромлеевский период» в отечественной этнологии // Вестник антропологии. 2021. № 1. С. 9–23.
17. Октябрьская И.В., Романова Е.Н. Североведение в истории российской этнографии: от описания народов к конструированию этничности // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 3. С. 9–20.
18. Пивнева Е.А. Советское этнографическое североведение второй половины XX в. в зеркале научного наследия З.П. Соколовой (московская школа) // Вестник угроведения. 2021. № 4. С. 780–788.
19. Репрессированные этнографы. Вып. I / Сост. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 1999.
20. Смирнова Т.Б. Омская школа этнографии // Этнография. 2019. № 4. С. 181–194.
21. Соловей Т.Д. От «буржуазной» этнологии к «марксистской» этнографии: стратегия продвижения марксистской ортодоксии в раннесоветский период // Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ. 2018. № 11. С. 160–178.

22. Тишков В.А. Разговоры с этнографами. М.: Алетея, 2021.
23. Три века российской этнографии: страницы истории / Под ред. М.М. Керимовой, А.А. Сириной. М.: Наука — Восточная литература, 2020.
24. Шнирельман В.А. Академическая жизнь и академическое выживание: учёные на волнах сталинских репрессий // За синей птицей (антропология академической жизни). Памяти Г.А. Комаровой. М.: б/и, 2022. С. 50–97.
25. Martin T. The Affirmative Action Empire: Nation and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca; New York: Cornell University Press, 2001.
26. Rawski K. A Soviet think tank: The involvement of the Institute of Ethnography in Soviet policy // Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. Vol. 6. No. 1. 2017. Pp. 109–132.
27. Хирш Ф. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: Новое литературное обозрение, 2022. (перевод на рус. яз.: F. Hirsch. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005).
28. Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики: Коллективная монография / М.Ю. Мартынова, В.А. Тишков [и др.]; Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022.

Peoples Studies and National Policy in the Soviet Era

Marina Yuryevna Martynova — Dr. habil. (History), Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, chief researcher — Head of the Center for European Studies of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

Valery Aleksandrovich Tishkov — RAS academician, research advisor of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

The article presents the results of a study devoted to the analysis of the interaction of ethnic studies (ethnology, or, rather, ethnography as it was called at the time) and Soviet nationality policy. The study of the role of domestic ethnography in the history of the country, reviewing the development of science in the context of the state strategy for the development of society is based on the analysis of a variety of subjects related to the 'national question'. The project, supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Russian Historical Society as part of the competition 'The Soviet Era: History and Legacy (to the 100th anniversary of the USSR)', addresses a number of research questions, providing a basis for identifying the role of academic developments and the creative elite in the national policy. The work is largely of historiographical nature. The authors focus on the analysis of conceptual approaches, on the quests and achievements of Russian ethnography in the 20th century. The authors characterize the research tools and provide a comprehensive overview of scientific ethnographic trends that were developed in different parts of the country in the Soviet period from the perspective of national policy. The past allows one to speak of the importance of an individual, an expedition, an (arti)fact in the full range of issues under study. By reading the 'bright and dark' pages of the history of science, one can better understand the reality that underlies today's ethnological research. Compared to the Soviet concept of nation-building, we may clearer see the potential of ethnology and the promise of its role in contemporary Russia for shaping Russian identity, developing mechanisms for migration policy, adapting children of migrants, etc.

Keywords: USSR, history of science, national policy, ethnography, peoples of Russia

REFERENCES

1. Martynova M.Yu. Prikladnaya rol' fundamental'noi nauki: Issledovaniya Instituta etnologii i antropologii RAN poslednego desyatiletiya // Vestnik antropologii. 2014. № 1 (27). S. 148–170 (in Russian).
2. Struve P.B. Istoricheskii smysl russkoi revolyutsii i natsional'nye zadachi // Iz glubiny: Sbornik statei o russkoi revolyutsii. M.: Knigoizdatel'stvo «Russkaya mysl'», 1918; pereizd.: M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1990 (in Russian).
3. Psyanchin A.V. Iz istorii otechestvennoi etnicheskoi kartografii (po materialam IRGO i KIPS). Ufa: TSEI UNTS RAN, 2008 (in Russian).
4. Perepelkin L.S., Shkaratan O.I. Ekonomicheskii suverenitet respublik i puti razvitiya narodov // Sovetskaya etnografiya. 1989. № 4. S. 32–48 (in Russian).
5. Cheshko S.V. Etnicheskaya politika v Rossiiskoi imperii i SSSR: istoricheskie, politicheskie i pravovye aspekty // Vestnik antropologii. 2014. № 1. S. 7–22 (in Russian).
6. Bromlei Yu.V. Mozhet byt', eto nazovut etnonikoi // Znanie – sila. 1985. № 12. S. 21–23 (in Russian).
7. Guboglo M.N. O sozdanii Vsesoyuznogo tsentra nauchno-prikladnykh issledovaniy natsional'nykh protsessov // Chto delat'? V poiskakh idei sovershenstvovaniya mezhnatsional'nykh otnoshenii v SSSR. M.: INION, 1989. S. 94–104 (in Russian).
8. Pain E.A. Prikladnye aspekty etnograficheskogo izucheniya sel'skikh poselenii i sistem rasseleniya (postanovka voprosa) // Sovetskaya etnografiya. 1985. № 1. S. 3–14 (in Russian).
9. Pimenov V.V. Prikladnye aspekty etnografii: tendentsii i problemy // Sovetskaya etnografiya. 1986. № 5. S. 3–12 (in Russian).
10. Abashin S.N. Etnograficheskoe znanie i natsional'noe stroitel'stvo v Srednei Azii: problema sarkofagov v XIX – nachale XXI v.: Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.07. M.: Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN, 2008 (in Russian).
11. Alymov S.S. Zabyvaya etnos i natsiyu: etnograficheskie diskussii i ekspertiza «natsional'nogo voprosa» v period perestroiki // Shagi / Steps. 2021. T. 7. № 2. S. 70–92 (in Russian).
12. Vinokurova I.Yu. Iz istorii etnologicheskikh issledovaniy v akademicheskoi nauke Karelii // Vestnik antropologii. 1920. № 4. S. 282–300 (in Russian).
13. Vydayushchiesya otechestvennye etnologi i antropologi XX veka / Otv. red. V.A. Tishkov, D.D. Tumarkin; Sost. D.D. Tumarkin. M.: Nauka, 2004 (in Russian).
14. Golovnev A.V. Etnografiya v rossiiskoi akademicheskoi traditsii // Etnografiya. 2018. № 1. S. 6–39 (in Russian).
15. Golovnev A.V., Danilova E.N. Sovetskaya versiya etnoekspertizy: dokladnye zapiski etnografov-severovedov 1950–1990-kh gg. // Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. 2021. № 1 (52). S. 132–143 (in Russian).
16. Karlov V.V. Yu.V. Bromlei i «bromleevskii period» v otechestvennoi etnologii // Vestnik antropologii. 2021. № 1. S. 9–23 (in Russian).
17. Oktyabr'skaya I.V., Romanova E.N. Severovedenie v istorii rossiiskoi etnografii: ot opisaniya narodov k konstruirovaniyu etnichnosti // Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik. 2020. № 3. S. 9–20 (in Russian).
18. Pivneva E.A. Sovetskoe etnograficheskoe severovedenie vtoroi poloviny XX v. v zerkale nauchnogo naslediya Z.P. Sokolovoi (moskovskaya shkola) // Vestnik ugrovedeniya. 2021. № 4. S. 780–788 (in Russian).
19. Repressirovannyye etnografy. Vyp. I / Sost. D.D. Tumarkin. M.: Vostochnaya literatura, 1999 (in Russian).
20. Smirnova T.B. Omskaya shkola etnografii // Etnografiya. 2019. № 4. S. 181–194 (in Russian).
21. Solovei T.D. Ot «burzhuznoi» etnologii k «marksistskoi» etnografii: strategiya prodvizheniya marksistskoi ortodoksii v rannesovetskii period // Istoricheskie issledovaniya. Zhurnal istoricheskogo fakul'teta MGU. 2018. № 11. S. 160–178 (in Russian).

22. Tishkov V.A. Razgovory s etnografami. M.: Aleteiya, 2021 (in Russian).
23. Tri veka rossiiskoi etnografii: stranitsy istorii / Pod red. M.M. Kerimovoi, A.A. Sirinoi. M.: Nauka – Vostochnaya literatura, 2020 (in Russian).
24. Shnirel'man V.A. Akademicheskaya zhizn' i akademicheskoe vyzhivanie: uchenye na volnakh stalinskikh repressii // Za sinei ptitse (antropologiya akademicheskoi zhizni). Pamyati G.A. Komarovoi. M.: b/i, 2022. S. 50–97 (in Russian).
25. Martin T. The Affirmative Action Empire: Nation and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca; New York: Cornell University Press, 2001.
26. Rawski K. A Soviet think tank: The involvement of the Institute of Ethnography in Soviet policy // Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. Vol. 6. No. 1. 2017. Pp. 109–132.
27. Khirsh F. Imperiya natsii: Etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soyuza. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. (perevod na rus. yaz.: F. Hirsch. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005) (in Russian).
28. Sovetskaya etnografiya v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i natsional'noi politiki: Kollektivnaya monografiya / M.Yu. Martynova, V.A. Tishkov [i dr.]; Otv. red. M.Yu. Martynova. M.: IEA RAN, 2022 (in Russian).